

Прошло двести лет после победы над Наполеоном и почти семьдесят после победы над Гитлером. Россия дважды оборачивалась на Запад «своею азиатской рожей», изгоняла захватчиков, переживала закономерный подъем гордости и патриотизма, чтобы снова с недоумением оглядеть бессмертную «гранитную твердыню», в который раз ужаснуться и начать мечтать о переустройстве по европейским лекалам. «Рабы не рабы, позор не позор», – прислушайтесь, все те же разговоры не стихают вокруг нас сегодня. «После всех бурь, пережитых нами, о чем я думаю?» – пишет Варвара. – «Я не властна над жизнью, я ее пленница, я ее дитя, мы все ее дети. Она преображается сама, исподволь, и наше терпение ей споспешествует. Не нам ее ломать и приспособливать под временную свою угодку» [7, с. 197].

Библиографические ссылки

1. Белая Г. А. Литература в зеркале критики. Современные проблемы: Монография / Г. Белая. – М.: Сов. писатель, 1986. – 368 с.
2. Бойко С. Луиза. О работе романиста с мемуарным источником / С.Бойко // Булат Окуджава: его круг, его век. Материалы 2-й международной конференции. Переделкино, 30 ноября – 2 декабря 2001. – М.: Соль, 2004 – С. 120–135.
3. Быков Д. Л. Булат Окуджава / Д.Быков. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 777 с.
4. Кантор М. Красный свет / М.Кантор. – М.: АСТ, 2013. – 608 с.
5. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.Лотман. – СПб: Искусство – СПб, 2011. – 413 с.
6. Назаренко М.А. «Прогулки фрайеров»: Историческая тетралогия Булата Окуджавы как целое (К постановке проблемы) / М.Назаренко // Русская литература. Исследования: Сб. науч. трудов. — Вып. IV. — К.: ИПЦ «Киевский Университет», 2003. – С. 27–40.
7. Окуджава Б.Ш. Свидание с Бонапартом / Б.Окуджава. – М.: Известия, 1998. – 288 с.
8. Пискунова С., Пискунов В. Трагическая пастораль / С.Пискунова, В.Пискунов // Нева. – 1984. - № 10. – С.161–166.
9. Трус Л. «Свидание с Бонапартом»: жанр и смысл (опыт психологического анализа) / Л.Трус // Миры Булата Окуджавы: Материалы Третьей международной научной конференции, 18–20 марта 2005 г., Переделкино. – М.: Соль, 2007. – С. 50–55.

Надійшла до редколегії 10 травня 2014 р.

УДК 821.161 (09)

Ю. В. Чимирис

Харьков

ЛИЧНОСТЬ А.С. СУВОРИНА В КОНТЕКСТЕ ЕГО «ДНЕВНИКА»

Аналізуються особливості особи, характеру, внутрішнього світу О.С. Суворіна на основі записів, зроблених ним в «Дневнике». Підкреслюється, що щоденникові записи мають достатньо надійний та великий ступінь правдивості та щирості,

оскільки робились автором виключно для себе і їх подальша публікація не передбачалась. Зроблено також стислий аналіз дійсного ставлення О.С. Суворіна до А.П. Чехова, Л.М. Толстого і Ф.М. Достоевського на базі зіставлення щоденникових записів та офіційної позиції, яку висловлював автор «Дневника» в «Новом времени». Проведено аналіз записів, присвячених Чехову, Толстому і Достоевському, а також встановлено їх роль і місце в «Дневнике».

Ключові слова: щоденник, автопсихологічність, спонтанність, щирість, автокомунікативність.

Анализируются особенности личности, характера, внутреннего мира А.С. Суворина на основе записей, сделанных им в «Дневнике». Подчеркивается, что дневниковые записи имеют весьма надежную и большую степень правдивости и искренности, поскольку делались Сувориным исключительно для себя и их обнародование не предполагалось. Проведен также краткий анализ истинного отношения А.С. Суворина к А.П. Чехову, Л.Н. Толстому и Ф.М. Достоевскому на основе сопоставления дневниковых записей и официальной позиции, высказываемой автором «Дневника» в «Новом времени». Приводится анализ записей, посвященных Чехову, Толстому и Достоевскому, а также устанавливается их роль и место в «Дневнике».

Ключевые слова: дневник, автопсихологичность, спонтанность, искренность, автокоммуникативность.

The article analyzes the characteristics of personality, character, inner world of A.S. Suvorin basing on the notes made in his "Diary". The author of the article emphasizes that the diary is a very reliable source of information and has got a great degree of truthfulness and sincerity as Suvorin made notes in it exclusively for himself and he didn't intend to publish them. The brief analysis of the true relation of A. Suvorin to A. Chekhov, L. Tolstoy and F. Dostoevsky by comparing the diary and the official position voiced by Suvorin in his newspaper "Novoye Vremia" has been made in the article. The analysis of notes devoted to Chekhov, Tolstoy and Dostoevsky has been made; their role and significance in the "Diary" has been found out. Among the main features of Suvorin's "Diary" the following features and characteristics has been listed: selfpsychologism, spontaneity, sincerity, selfcommunicativeness. It has been concluded that Suvorin's "Diary" is not only the documentary evidence of literary, cultural, political, private and social life, but is also a reliable source to describe the personality of its author – a very controversial and original man of that epoch.

Key words: diary, selfpsychologism, spontaneity, sincerity, selfcommunicativeness.

«Дневник» Суворина – один из важнейших российских историко-литературных документов, который долгие годы функционировал в научном обороте в редакции М. Кричевского, сокращенной и значительно искаженной. Расшифровка «Дневника» Н. Роскиной и его публикация в 2000 г. стали толчком к уточнению сложившегося мнения об этом деятеле русской культуры рубежа веков [1]. Последняя редакция «Дневника», выверенная и прокомментированная согласно требованиям современной академической науки, дает возможность охарактеризовать жанровые особенности и проблематику текста, до сих пор не привлекавших внимания исследователей. Сопоставление этой редакции с прежними позволяет говорить о том, что в новой редакции «Дневника» впервые публикуются записи, до сих пор не становившиеся объектом изучения, а также существенно уточняются записи, уже известные по варианту,

изданному М. Кричевским, и являвшимся источником для суждений о Суворине. В выверенный текст вошли ценные и важные записи о встречах Суворина с Некрасовым, Л. Толстым, Достоевским, Чеховым.

«Дневник» А.С. Суворина является литературно-бытовым дневником, который с функциональной точки зрения относится к дневникам, создаваемым во второй половине жизни, что обусловило и его пространственно-временную организацию, и характер осмысления автором собственной жизни, событий российской действительности той поры. Он не может быть причислен к дневникам литературным, поскольку литература и искусство занимают в нем важную, но не определяющую роль. Не позволяет его считать дневником такого рода и почти полная необработанность записей, его язык и стиль. «Дневник» Суворина не является и бытовым дневником, поскольку в нем обстоятельства житейские отодвинуты на второй план, а автора занимают важные, насущные вопросы его деятельности как издателя, редактора, журналиста, литератора, общественного деятеля. Таким образом, «Дневник» Суворина – оригинальная внутрижанровая разновидность, в которой отразились как черты, присущие дневнику вообще, так и то индивидуальное, что связано с личностью его автора.

В отличие от мемуаров суворинский дневник создавался не по прошествии некоторого временного промежутка, в связи с чем события прошлого рассматривались бы сквозь призму жизненного опыта автора, а параллельно с ними. Автор находится в гуще тех событий, которые описывает, передает произошедшее эмоционально, может лишь предсказывать дальнейший ход развития жизненной ситуации. Мнение автора мемуаров складывается не сразу, что дает ему возможность хорошо обдумать, взвесить все описываемые события прошлого, дать историческую оценку жизненному явлению. Дневники отличаются большей эмоциональностью, спонтанностью, а мемуары – итоговостью, зрелостью взглядов и мнений. По сюжетно-композиционной структуре дневник также отличается от воспоминаний. В нем синхронно описываются текущие события, автор не способен выстроить сюжетную линию, поскольку события находятся в развитии, а композиция является открытой. Приступая к мемуарам, автор уже имеет перед глазами полную картину событий, может проанализировать причинно-следственные связи между ними. Зачастую он выстраивает определенную сюжетно-композиционную линию, литературно обрабатывает свои записи, тогда как в дневнике, как правило, записи литературно не обработаны.

Материалы отбираются в дневник и мемуары по сходному принципу, однако в дневнике проявляется естественный, спонтанный отбор описываемых событий. В мемуарах же используются документальные материалы, речь может идти о незначительных событиях, изначально не казавшихся важными, но впоследствии сыгравших важную роль в разрешении той или иной жизненной ситуации. Окружающая

действительность в дневнике представлена раздробленной, описана фрагментарно, поскольку не представляет для автора первоначального интереса; записи имеют личный характер. В мемуарах записи более полно отражают эпоху, к которой принадлежит автор, благодаря портретам, зарисовкам, лирическим отступлениям; автор сознательно формирует образ ушедшей эпохи. Дневник отличается предельной искренностью, откровенностью, неретроспективностью, текст записей не рассчитан на публичное восприятие, он обращен к событиям личной жизни, но в то же время включает в себя и общезначимые суждения автора об окружающем мире, вырастающие из размышлений над проблемами собственного бытия. С дистанции времени дневник оказывается важным историческим свидетельством, не откорректированным позднейшими впечатлениями, мыслями, взглядами автора, как в мемуарах.

В «Дневнике» Суворина выделяются несколько доминирующих тематических пластов: жизнь его семьи, старость, талант, газета «Новое время», театр, политика и общественная жизнь, коммерция и др. Однако важнейший тематический пласт связан с литературой и искусством, встречами Суворина с выдающимися современниками, его впечатления от их произведений, бесед, писем. В структуре «Дневника» выделяются также дополнительные документальные источники (телеграммы, отрывки из писем, вырезки из газет, документов), свойственные дневникам литераторов, активно работавших в социально-политических жанрах, и журналистов.

Пространственно-временные особенности дневникового текста обусловлены течением жизни Суворина – как индивидуальной, когда у него возникала необходимость зафиксировать свои мысли или переживания, так и общественной, когда события российской жизни побуждали его взяться за перо. Записи выстроены в хронологическом порядке, но между ними есть существенные временные перерывы, иногда в несколько лет; автор зачастую возвращался к каким-то событиям из прошлого или осмыслял само течение времени. Записи, как правило, начинаются с даты, дня, его обозначения по церковному календарю. Но к концу жизни Суворина в них все чаще проявляется афористичность его мышления, при этом события жизни замещаются осмыслением своих переживаний или своего положения. В «Дневнике» также присутствует мемуарный элемент, в структуру которого включены путевые записки.

Не отличавшийся при жизни откровенностью и прямолинейностью, Суворин в «Дневнике» предстает совершенно иным человеком – прямым, достаточно честным, а иногда и дерзким в своих суждениях. Всецело отдавшись созданию и успешному развитию газеты и издательства, Суворин вынужден был следовать политическому курсу правительства, что не раз заставляло его переступать через собственные убеждения. Поэтому «Дневнику» обычно служил ему отдушиной. В нем он мог высказать все накопившиеся обиды, противоречия, откровенные мысли о

происходящих событиях, а иногда и злость на самого себя за избранный путь, в нем ярко отразилась самобытность, мудрость и подлинные чувства его автора. Образ автора «Дневника» противоречив: это и удачливый предприниматель, подсчитывающий возможную или полученную выгоду, и ловкий участник политического закулисья, и литератор, фиксирующий отрывки будущих замыслов, и литературный и театральный критик, делающий точные и меткие замечания о произведениях литературы и искусства.

Вместе с тем нельзя говорить о типологической связи, существующей между наследием Суворина и его «Дневником»: в его записях содержатся мнения и оценки, порой противоречащие его выступлениям в качестве публициста или критика. Однако «Дневнику» все же позволяет оценить и мировоззрение, и историческое самосознание, и жизненные и эстетические позиции автора. Среди главных особенностей «Дневника» Суворина выделяются искренность, спонтанность, откровенность записей. «Дневник» открывает нам истинное «Я» его автора. Суворин никогда не намеревался публиковать свои записи, вел их довольно небрежно, делал много понятных лишь ему сокращений, писал крайне неаккуратно, неоднократно прерывал заполнение дневника на долгое время. Язык и стиль записей еще раз служат подтверждением сокровенности этих записей: автор использовал бранную лексику, часто выражался резко, грубо и несдержанно.

«Дневнику» Суворина присущи автокоммуникативность, автопсихологичность, спонтанность и литературная необработанность, как правило, синхронность записей, но с включением в текст ретроспективного элемента. Образ Суворина-человека в «Дневнике» проявляется довольно ярко: автор говорит от первого лица, не сдерживает эмоции, предельно откровенен, но в то же время может быть и не до конца искренен даже наедине с собой. Примером этому служит запись о «пушкинской речи» Достоевского. Суворин нередко транжирил крупные суммы и в то же время подсчитывал каждую копейку, составляя списки трат и внося туда каждую мелочь. Образ человеческой личности автора создается и благодаря используемым стилистическим средствам: порой Суворинным овладевали пессимистические настроения и его записи становились плаксивыми, он чувствовал себя обиженным, забытым и покинутым, а в записях о Толстом, напротив, иногда были сильны бунтарские настроения, автор становился резок в оценках и не стеснялся в выражениях.

Анализ дневниковых записей, посвященных Достоевскому и Чехову, позволяет утверждать, что Суворин нередко искажал факты, испытывая потребность в самооправдании, описывал события слишком субъективно, зачастую жаждал признания – все это выявляет его настоящую, неприкрытую позицию, высказываемую только лишь наедине с самим собой. «Дневник» открывает иного Суворина – не

меркантильного дельца с черносотенными убеждениями, а неуверенного в себе, иногда доведенного до отчаяния человека. Записи, сделанные Сувориным в «Дневнике», подтверждают сложность, неоднозначность, противоречивость их автора и нередко дают ответ на вопрос о том, почему современники были категоричны в своих оценках Суворина.

«Дневник» проливает дополнительный свет на одну из полемичных проблем в истории литературы рубежа веков – дружбу двух таких разных людей, как Суворин и Чехов. У них было достаточно много точек соприкосновения: общий интерес к газете, фельетону, жанру короткого рассказа, близкие взгляды на творчество современных им писателей. Суворин видел в Чехове человека, близкого себе по многим обстоятельствам жизни и деятельности, да и по уровню дарования. Он искренне не считал его талант равным таланту Достоевского и Толстого, был обижен тем, что Чехов отказывается от поденной журналистской работы ради писательского творчества. После смерти Чехова, которая стала настоящим ударом для Суворина, в «Дневнике» фиксировались очень искренние и теплые размышления о Чехове, в которых ощущается горечь от утраты и невероятное одиночество редактора «Нового времени» [2, с. 483, XVI]. В дневниковых записях о Чехове достаточно заметно проявилась автокоммуникативность, когда Суворин на страницах «Дневника» был вынужден обращаться к самому себе.

Анализ записей, посвященных Толстому и «толстовству», истории развития и судьбы русского романа и русской мысли, позволяет говорить о том, что, невзирая на глубочайшее уважение к Толстому, Суворин далеко не всегда и не во всем был с ним согласен, однако полемику с писателем он переносил на страницы «Дневника» [2, с. 82–85]. Помимо всего прочего, Суворин заносил впечатления от личных встреч и бесед с Толстым, размышлял над его убеждениями и взглядами. В этих записях ярко проявились такие черты дневника, как автопсихологичность и синхронность, уровень литературной обработанности в них существенно выше, чем в любых других.

Проанализировав официальную позицию Суворина и его сокровенные мысли, высказанные в дневниковых записях, мы пришли к заключению, что в «Дневнике» редактор «Нового времени» зачастую выступает в роли оппозиционера, например, сравнивая Толстого с царем. Сопоставление двух позиций Суворина – официальной и той, что высказана в личных записях, дало возможность сделать вывод, что в «Дневнике» Суворин был на стороне Толстого, во многом поддерживал его, остро завидовал внутренней свободе писателя. В «Новом времени» Суворин занимал противоположную, угодную правительственным кругам позицию в отношении Толстого и его творчества. Суворин не понимал религиозных убеждений и теории Толстого, но не решался в открытую их критиковать, однако при этом он всегда восхищался литературным талантом писателя. После немногих личных встреч с Толстым Суворин

старался сделать подробные записи об этом в «Дневнике»: они отличаются спонтанным, но педантичным и скрупулезным характером [2, с. 211, 82–85, 204]. Автор «Дневника» довольно подробно пересказывает беседы, заносит свои комментарии и размышления, этим записям характерны черты автопсихологичности и автокоммуникативности.

Записи, посвященные Толстому, позволяют утверждать, что Суворин испытывал робость и неуверенность в себе перед писателем, чей авторитет для него был непререкаем. Самопризнания Суворина помогают видеть, что он ценил в Толстом его художественный дар, необыкновенное умение вести беседу, ум писателя, непреклонность и смелость общественно-политических взглядов. Он не разделял его идей о Боге, христианстве, войне, взглядов на патриотизм и национальную идею. Для Суворина авторитет Толстого-писателя был непререкаем, Толстого – публициста и мыслителя автор «Дневника» не понимал. В беседах с Толстым Суворин чаще выступал в роли корреспондента и хроникера, чем равноправного собеседника, очевиден пиетет, который он испытывал перед писателем, не позволявший ему спорить с ним на равных. Как известно, Толстой мог высказываться весьма резко в отношении власти и, записывая слова писателя в «Дневнике», Суворин как бы примерял эти высказывания на себя. Не имея возможности заявить о своих убеждениях публично, он тешил себя хотя бы тем, что заносил эти мысли в свой «Дневник». Суворин завидовал тому, что Толстой был свободен от тех оков, которые не давали ему самому занимать ту общественную и политическую позицию, которую он считал нужным. Тон, характерный для большинства записей в «Дневнике» о Толстом, отличается более спокойными интонациями, чем записи о Чехове, но порой отчетливо заметно желание автора оказаться в лагере сторонников Толстого. В этих записях вырываются подавленные за долгие годы работы в «Новом времени» эмоции, бунтарский дух, свободолюбие и стремление отстаивать свои собственные политические убеждения. Писатель был для Суворина недостижимым идеалом в смысле свободы слова и мысли.

Суворин внимательно следил и за творчеством Достоевского, его общественно-политической, писательской и журналистской деятельностью, причем гражданская позиция писателя иногда была для Суворина даже важнее, чем его литературные достижения. Анализ записей из «Дневника» и заметок в «Новом времени» показывает, что Суворин стремился найти поддержку в лице Достоевского, старался казаться ближе к писателю, чем был на самом деле, поэтому мог публично высказываться о сходстве их гражданских и общественно-политических взглядов. Конечно, ни для Достоевского, ни для противников Суворина, ни даже для него самого иллюзия тесного общения и сродства политических убеждений с такими великими писателями, как Чехов, Толстой и Достоевский не могла закрыть глаза на правду. Современники хорошо знали о беспринципности редактора «Нового времени». Его

позиции не имели ничего общего с гражданскими, политическими или общественными взглядами этих писателей.

Иногда, разумеется, Суворин действительно разделял мнение Достоевского, к примеру, по решению «балканского вопроса» или о сближении образованного класса с простым народом, о повышении уровня его грамотности, увеличении интереса к чтению. Тем не менее в большинстве случаев Суворин был весьма далек от тех убеждений, которых придерживался Достоевский. Суворин на страницах «Дневника» думал о Достоевском хуже, чем тот был на самом деле, автор записей пытался причислить писателя к своим сторонникам, тем самым находя некоторое оправдание своим поступкам [2, с. 345, 351].

Анализ «Дневника» показал, что наедине с самим собой Суворин любил противопоставлять себя тем, от кого в публичной жизни так зависели его финансовые интересы. Ему казалось, что он лучше, чище, правдивее, чем был на самом деле. В «Дневнике» он причислял себя к компании Толстого, иногда Достоевского, разделял успех Чехова как свой собственный. «Дневник» свидетельствует о том, что Суворин остро ощущал нехватку общественного и литературного признания, нуждался в оправдании, завидовал успеху гораздо более талантливых писателей. Испытывая необходимость в оправдании своих публичных высказываний и поступков, автор «Дневника» создавал для себя самого иллюзию того, что он был оппозиционером.

В «Дневнике» Суворин подробно описывает встречи с Достоевским, критикует его произведения, пересказывает беседы или высказанные Достоевским мысли [2, с. 352]. Встречи и разговоры с Достоевским оказывали значительное влияние на Суворина. Не без его влияния автор «Дневника» изменил свое мнение о роли Белинского в русской литературе, о творчестве Гоголя и Пушкина. Проанализировав записи в «Дневнике» и официальную позицию Суворина в отношении таланта Достоевского, мы пришли к заключению, что для Суворина литературный дар писателя так и не стал абсолютно понятен, несмотря на то, что он считал его произведения таинственными и оригинальными.

«Дневник» Суворина является живым документом интересной и противоречивой эпохи. Записи характеризуют и его время в событиях и людях, дают возможность судить о быте буржуазной семьи, нравах в литературных и журналистских кругах, тайных механизмах русской политики той поры. В них сохранились детали русской жизни: порядки на вокзалах и в редакциях, нравы театрального мира, этикет приема гостей или деловых переговоров. Однако записи, содержащиеся в «Дневнике», прежде всего характеризуют его автора – человека сложного и противоречивого, прожившего большую и трудную жизнь, поднявшегося из бедности собственным трудом на вершины общественной и политической жизни, однако всегда помнившего свои корни,

испытывавшего острую тягу к демократическим кругам и стыд за то, что вынужден изменять своим прежним убеждениям.

Библиографические ссылки

1. Суворин А. С. Дневник / Алексей Сергеевич Суворин. – М.: Новости, 1992. – 496 с. – (Серия “Голоса истории”).
2. Суворин А. С. Дневник / Алексей Сергеевич Суворин [подгот. текста Д. Рейфилда, О. Макаровой]. – London: The Garnett Press; М.: Изд-во Независимая газета, 2000. – 670 с.

Надійшла до редколегії 26 травня 2014 р.

УДК 821.133.1-31 Селін. 09

Н. О. Шапарєва

Харків

МАТЕРІАЛЬНО-ТІЛЕСНІ РЯДИ ТРИЛОГІЇ Л.-Ф. СЕЛІНА «ІЗ ЗАМКА ІНШИЙ», «ПІВНІЧ», «РІГОДОН»

У творах трилогії Л.-Ф. Селіна «Із замка інший», «Північ», «Рігодон» виявлено риси хронотопу твору Ф. Рабле «Гаргантює та Патангюель», в якому М. Бахтін виокремив перетин певних матеріалізуючих рядів. У трилогії Л.-Ф. Селіна простежуються ряди людського тіла, одягу, їжі, випорожнень, до яких Л.-Ф. Селін застосовує гротескну репрезентацію, не вагаючись прибїгає до анатомічної та фізіологічної деталізації, чим досягає експресивності, натуралістичності зображення. Письменник вкладає певні художньо-естетичні функції у перетинання усіх рядів. Їх схрещування сприяє формуванню загальної картини світу твору, що проявляється у матеріальності повсякденного життя. У співіснуванні цих рядів простежується певна форма відчуття часу, який своєрідним чином співвідноситься із просторовою реальністю, що втілюється у специфічний хронотоп.

Ключові слова: Л.-Ф. Селін, картина світу, ряд, хронотоп.

В произведениях трилогии Л.-Ф. Селина «Из замка другой», «Север», «Ригодон» выявлено черты хронотопа произведения Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюель», в котором М. Бахтин различил пересечение определенных материализующих рядов. В трилогии Л.-Ф. Селина прослеживаются ряды человеческого тела, одежды, еды, испражнений, к которым Л.-Ф. Селина применяет гротескную репрезентацию, смело прибегает к анатомической и физиологической детализации, чем достигает экспрессивности, натуралистичности изображения. Писатель вкладывает определенные художественно-эстетические функции в пересечение этих рядов. Их скрещивание способствует формированию общей картины мира произведения, что проявляется в материальности повседневной жизни. В сосуществовании этих рядов просматривается определенное ощущение времени, которое своеобразным образом соотносится с пространственной реальностью, что воплощается в специфическом хронотопе.

Ключевые слова: Л.-Ф. Селин, картина мира, ряд, хронотоп.

The works by L.-F. Celine «Castle to castle», «North», «Rigodon» are analyzed by detecting the features of F.Rable's work «Gargantua and Pantagruel» chronotop where M.Bachtin defined the intersection of certain materializing series. In the trilogy by L.-F. Celine are retraced the series of human body, clothes, food, excrement, to which L.-F. Celine applies the grotesque representation, resorts to anatomic and physiological specification, with the help of what he attains expressivity and naturalistic representation.